

Разыскания

ПОЧЕТНАЯ, БЛАГОРОДНАЯ РОЛЬ

90 лет назад в Вятской губернии начался процесс, который вошел в историю под названием Мултанского (1892—1896 гг.). Ложно обвиненные в человеческом жертвоприношении крестьяне удмуртского села Мултан благодаря усилиям многих прогрессивных деятелей России были оправданы. Потерпело провал грязное дело национальной политики царизма...

Мултанский процесс известен в истории в связи с такими именами, как В. Г. Короленко, А. Ф. Кони. Известный писатель и знаменитый юрист сыграли решающую роль в оправдании крестьян. Об этом повествуют многие книги и научные труды. Но часто, говоря о процессе, порой забывают упомянуть еще одно имя, мало известное современникам, но сыгравшее не меньшую роль в исходе дела...

«Ваша почетная, благородная роль в этом деле не может не возбуждать во мне, как в историке, иного чувства, кроме величайшего почтения и преклонения перед Вашим гуманным и благородным поступком. Вы остановили руку Раевского (помощник прокурора. — М. Ч.), занесенную над жертвами Мултанского дела, а ведь за ним скрывались не только вотяки, но также и все другие народы, против которых существовал кровавый навет. Вы поняли опасность этого положения и своевременно забили тревогу. Анатолий Федо-

рович Кони в беседах со мной открыл мне глаза на связь Мултанского дела с европейскими ритуальными процессами и осветил те нити, которые связывали Вас, Александр Николаевич, с Короленко и Львом Николаевичем Толстым, от которого в свою очередь тянулась нить к Кони». Это письмо известного археолога М. Г. Худякова адресовано вятскому публицисту, земскому деятелю А. Н. Баранову. Да, это именно он вместе с другом О. М. Жирновым впервые поднял в печати вопрос о вопиющей несправедливости приговора, вынесенного оклеветанным мултанцам.

Постоянный сотрудник газет Поволжья, творчество которого тогда уже было высоко оценено петербургским журналом «Русское богатство», Баранов посвятил свои силы и талант Мултанскому процессу. «В лицо целой народности бросается обвинение в страшном преступлении», — писал он в своем обращении к редакциям газет, подхватившим сенсационную фальшивку. — Предрассудки ужасны вообще, но предубеждения против целых народностей — ужасны вдвойне». Публицист в первых же своих статьях показал истинное значение дела, разоблачил далеко идущие планы обвинителей. «А в будущем! — писал Баранов. — Сколько преступлений будет прикрываться именем вотяков? Какая травля под-

нимается на этот народ, если Мултанское дело останется неразъясненным?»

Отчет о первом разбирательстве, написанный О. М. Жирновым, был лишен всякого комментария, и многочисленные газетчики использовали его как повод для сенсации. Человеческое жертвоприношение — и где: в каких-нибудь 300 верстах от университетской Казани! Для одних это был удобный случай пощекотать воображение читателей, другие видели в этом хороший повод для разжигания национальной розни, великодержавного шовинизма. Еще бы: ведь жертвой «варваров» стал русский! Масла в огонь подлила статья лжеученого Бабушкина, где подтверждалась возможность жертвоприношений у вотяков.

Выступление Баранова в защиту обвиненных не было гласом вопиющего в пустыне. Он призывал трезво взглянуть на факты, подойти к процессу с научной стороны. И призыв был услышан. Вскоре было доказано, что ничего подобного в истории вятского народа не наблюдалось, а сам суд проходил с явными нарушениями законности. Однако силы реакции были слишком внушительны. «Нужно было, — пишет Баранов, — чтобы какой-нибудь крупный писатель громко и горячо, со всей силой таланта крикнул: «Да посмотрите же сюда! Ведь здесь творится ужасная несправедливость! Помогите!»

Сам Баранов был лишен возможности широко выступать со своим словом — его разоблачающие статьи были вскоре запрещены цензурой, не пропускались в печать. Вот почему в критический момент он обращается к В. Г. Короленко, с которым его связывала творческая дружба. Он посылает писателю материалы, письмо с горячей просьбой откликнуться на призыв.

Великий русский гуманист, конечно же, не остался равнодушным. С сентября 1895 года Короленко тоже включается в работу. Значение его публикаций по поводу Мултанского процесса широко известно, но нужно добавить, что при написании их Короленко часто использовал те материалы и факты, которые были подсказаны ему Барановым в многочисленных письмах. Кроме того, если писатель придерживался в основном одной цели — оправдания крестьян, то его вятский коллега не раз подчеркивал необходимость обратить внимание на действия самого суда, властей. «Все в этом деле возмутительно, — писал Баранов писателю, — и обнажает много самого скверного в нашей жизни, а потому и следует хорошенько потреть судебную шайку и судебные порядки».

Баранов принял самое активное участие в опубликовании и выпуске отчета о втором судебном заседании, который увидел

свет в 1896 году. Но это его не устраивало. Он стремился издать третий отчет, где бы можно было «проследить подробное поведение суда».

Когда процесс закончился победой справедливости, публицист писал Короленко: «Вотяков оправдали, но неужели все эти Шмелевы, Раевские и прочие останутся безнаказанными? Раевский хвастался, что не пройдет и года, как возникнет новое Мултанское дело. И это верно! Следует принять все меры, чтобы это не повторилось. Нужно показать читателю, как нагло, подло и жестоко создано и велось дело».

След тянулся слишком далеко, именно поэтому сразу после окончания процесса Баранову не дали продолжать свою деятельность и сослали в глухую деревню, как и многих участников кампании.

Но 20 лет спустя, когда о Мултанском деле многие уже забыли, Баранов использовал опыт процесса в разоблачении новых, еще более крупномасштабных дел, совершаемых черносотенцами под покровительством царизма.

Участие в Мултанском процессе — это лишь одна яркая страница жизни и творчества вятского публициста Александра Николаевича Баранова. Это имя заслуживает того, чтобы в Кировской области, на родине публициста, о нем помнили.

М. ЧЕРЕПАНОВ,
студент Казанского
университета.